

в Ялту привозили машинами. Весь пошивочный цех Ялтинской киностудии был задействован. Специально заказывали кожаную обувь. И еще металлические доспехи для римских легионеров — 20 пеших костюмов и 10 конных. Элементы рельефного латунного панциря Понтия Пилата отдельно отливали и клепали в Киеве. А чешуйчатый доспех центуриона Марка Крысобоя я сначала с помощницей вырезала из картона, чтобы посмотреть, каким должно быть сплетение. Потом каждую чешуйку нам отливали из меди на заводе «Море» под Феодосией, так же как и сложные сферические шлемы. Готовый костюм центуриона весил не менее 20 кг! Мощный актер Валентин Голубенко мог надеть его только с помощью двух-трех ассистентов. Шлемы же еще украшали: у простых воинов — это конская щетина, у Крысобоя — орлиные перья. Нам по заказу привезли с птицефермы ворох выдранных петушиных хвостов: белоснежные перья пошли на шлем Пилата, а вот для легата пришлось их покрасить в ярко красный цвет. Справились и с украшением плаща на Понтии Пилате — том самом, который золотом вышит с «кровавым подбоем». Откуда золото достали? В военотрге купили галун золотистого цвета, который предназначался для фуражек, потом вырезали из него сотни лепесточков лавровых и пришивали их по всему плащу.

При подготовке костюмов к съемкам не обошлось без казуса. Шлем для Понтия Пилата заказали размера XL на большую голову — в окружности 60 см, на всякий случай с запасом. Но у Михаила Ульянова она оказалась еще больше — 62 см!

— Это же не фрак, который подогнать можно, а литой шлем — ни увеличить, ни уменьшить уже, — уточняет Анна Ивановна. — И только в самых необходимых сценах Ульянов его с трудом надевал, а так всё время носил в руках...

В историю по туристической визе

Не всё гладко складывалось у Юрия Кары и во второй попытке снять свой Ерусалим. Съёмочная группа вылетела в Израиль по туристическим визам в сентябре 1992-го — поэтому срок пребывания на Земле Обетованной был ограничен тремя неделями. Группа базировалась в отеле города Акко (в 18 км от Хайфы). А загруженный до предела реквизитом автобус заранее отправили своим ходом в Турцию, чтобы потом на пароме через Лимасол на Кипре переправить в Хайфу. Но автобус выехал из графика (столько границ и таможен!) и опоздал к парому, а следующий рейс — через неделю! Съёмки опять оказались под угрозой срыва.

— В автобусе же были не только костюмы, но и кресты на Голгофу, сделанные в Москве на студии имени Горького, трон Понтия Пилата наших ялтинских мастеров, оружие, посуда, — перечисляет Анна Ивановна и переживает так, как будто ее путешествие продолжается и сейчас. — На собрании нам сказали, что единственный выход — самолё-

том, но это по 70 долларов за 1 килограмм груза. Когда посчитали, сумма выходила баснословной. Юрий Викторович пришел к нам бледный, сказал, что картина закрывается. Ну, естественно, тут же посыпались упреки — зачем надо было делать такие тяжелые костюмы. На что я отвечала: «Вы же сами требовали, чтобы всё было максимально достоверным без бутафории».

Узнав о беде русских кинематографистов, предприимчивые театралы из числа бывших соотечественников тут же подсутились и предложили напрокат свои костюмы и реквизит из спектаклей на схожие темы. И продюсер картины Владимир Скорый, на деньги которого снимали фильм, уже готов был пойти на сделку с израильтянами.

— Юрий Викторович разбудил меня в 4 часа утра и сказал, что только я могу переубедить Скорого, — вспоминает Анна Ивановна. — Я, вообще-то, красноречием не отличаюсь, но, видимо, состояние у меня было такое — это сколько же труда вложено в эти костюмы! — что мне удалось подобрать нужные слова. Я сказала, что театральные хлам нам не нужен и лучше потерять несколько съёмочных дней, но затраченные деньги на перевозку окупятся

потом, если зрители увидят великолепных актеров в правдоподобных костюмах, а не в каких-то бутафорских наборах. И он согласился, хотя ему было тяжело смотреть на то, как несколько дней вся группа за его счет бездельничает на берегу Средиземного моря. Но когда наши костюмы всё же прибыли и стали одевать людей — эта фактура, запах кожи, блестящий металл — эффект был потрясающий! Сам Скорый, как увидел римские доспехи — выбрал себе костюм легата и решил в нем сниматься: без слов, но зато в сценах рядом с Понтием Пилатом!

Чудеса и мастерство

Съёмки в Израиле проходили по-настоящему в экстремальных условиях. Открытая гористая местность: ни кустов, ни деревьев, только фанерные щиты и натянутые тенты. Жара под 40 градусов и выше, а люди в коже, металле, мешковине. На съёмочную площадку подвозили бочки со льдом.

— Мы спасали актеров от тепловых ударов, как могли, — говорит Анна Ивановна. — Мочили тряпки в ледяной воде и накладывали на доспехи, которые просто невозможно было снять между дублями. Там же уйма пряжек, застежек, шурупов. Ну разве что шлемы реально было снять, потому что они раскалялись, как сковородки!

И в этой ситуации съёмочная группа была потрясена выдержкой и самоотдачей Николая Бурляева, Михаила Ульянова, Льва Дурова...

— Я была в числе тех, кто вначале не воспринял выбор Кары на роль Иешуа именно Бурляева, — искренне признается Анна Кузнецова. — Он долго выбирал, на заметке в его обширном списке был и кто-то из певцов: Тальков или Малинин. Но в Израиле даже самые стойкие скептики были потрясены работой Бурляева. Как он преображался — это просто невероятно! Перед тем как войти в кадр, он стоял за щитом, никто его не видел и не смел подойти к нему (он вообще и после съёмки ни с кем почти не общался, был нелюдим, на все наши «пожалуйста» что-то бурчал себе под нос), и группа могла ждать его 5, 10, 20 минут. Но когда он выхо-

дил — это уже был другой человек, с иным лицом и энергетикой, из другого времени. Бурляев же заикается, но, когда его устами говорил Иешуа — он уже не заикался!

Удивил своим перевоплощением и Михаил Ульянов. Очевидцы тех событий были особенно потрясены, когда на съёмочную площадку впервые привезли неаполитанского мастифа — здоровенный злобный пес без команды подошел и лег у ног актера и потом как цуцик вездеходил за ним по пятам. Хозяйка собаки даже испугалась — что это русские сделали с ее собакой?!

После полного приключений путешествия в Израиль съёмочная группа Юрия Кары вернулась домой уже с уверенностью — фильм будет! Московские эпизоды снимали летом и в ноябре 1992-го: «Бал сатаны» — в усадьбе Марфино (25 км от Москвы); дом Маргариты — в особняке на Остоженке; в Саду театра — сцены «Кабинет Римского», «Двор Варьете», «Туалет»; в Театре Маяковского — сцену «Варьете»; встреча Мастера с поэтом Иваном Бездомным — в Сокольниках, дом № 9 в Мансуровском переулке; а также — на крыше Дома Пашкова, на Арбате, Земляном валу и Красной площади. Всего за время производства фильма было подписано более 5000 контрактов и задействовано, включая массовку, около 3000 исполнителей.

До отложенной на 17 лет премьеры мы с Юрием Викторовичем не раз встречались в Крыму на съемках других его фильмов и, естественно, в разговоре затрагивали и эту тему.

— Я недавно пересматривал картину и могу сказать, что она, к счастью, пока не устарела, — уверял режиссер Кара. — Когда мы снимали в начале 90-х, уже была доступна компьютерная графика, но я тогда сознательно не стал ее использовать. Мы снимали именно в стиле романа, учитывая, что он был написан в 30-е годы и Булгаков оперировал теми чудесами, которые были тогда в ходу. Возможно, картина будет не так эффектно смотреться, но это и к лучшему, потому что на фоне новых технологий это было бы уже и смешно, по сравнению с тем, что творят, например, создатели «Властелина колец» или «Аватара». Мы старались очень бережно отнестись к первоисточнику. Видимо, это и подкупило композитора Альфреда Шнитке, согласившегося написать музыку к фильму. Он ведь к тому времени уже полностью ушел из кино в академическую музыку, но когда посмотрел отснятый нами материал, то согласился сотрудничать и, я считаю, написал гениальную музыку. Ее плод он, как и некоторые снимавшиеся в фильме артисты, увы, не увидел. Ну а потрясающая игра великолепных актеров — Ульянова, Гафта, Бурляева, Весника, многих других — останется на все времена и будет настоящим открытием для зрителей. Кстати, у Гармаша это была первая заметная роль в кино, и его публика могла бы открыть намного раньше. Поэта Бездомного он сыграл, по-моему, забываемо. И Ракова тогда мало кто знал: после Мастера его судьба в кино также могла бы сложиться совсем иначе. В общем, много судеб оказалось подрубынными вместе с этим фильмом, в том числе и моя...

Майкл ЛЬВОВСКИ.